

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

ГАЗИЗОВА Раида Фарвазовна

СЛОЖНЫЕ СЛОВА И ИСХОДНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ
В РУССКОМ И СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Специальность 10.02.03 – славянские языки
(западные и южные)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 1991

Диссертация выполнена на филологическом факультете Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
НЕЩИМЕНКО Галина Парфеньевна,
доктор филологических наук, профессор УДУХАНОВ Игорь Степанович,
доктор филологических наук, профессор НОВИКОВ Лев Алексеевич.

Ведущая организация – Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет.

Защита диссертации состоится "9" сентября 1991 года в 16⁰⁰ час. на заседании специализированного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения и балканистики АН СССР по адресу: 117334 Москва, Ленинский проспект, 32-А, корпус "В", 9 этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики по адресу: 121069 Москва, Трубниковский переулок, 30^а.

Автореферат разослан "4" ноября 1991 года.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук

М.И.Ермакова

В последние годы в языкознании предметом пристального внимания являются вопросы, связанные с общей теорией номинации, с ономаσιологическим подходом к описанию языковых явлений. Это, видимо, объясняется тем, что языковая номинация представляет собой исключительно сложное явление. Решение проблемы номинации связано с целым комплексом вопросов. Важнейшие среди них — изучение соотношения окружающей действительности и языка, взаимосвязанность различных языковых уровней, проявляющаяся в языковой репрезентации, интеграция языковых функций в производстве номинативных средств.

С ономаσιологией непосредственно связано словообразование. Его основные функции направлены на возникновение и использование наименований, оно представляет собой область моделирования номинативных единиц и более ономаσιологично, чем прочие подсистемы языка (М. Докулил, М. Н. Яценецкая, Е. С. Кубрякова, Л. Деже). Словообразование является звеном в языковой системе, все его средства, приемы и модели возникают и существуют прежде всего для того, чтобы служить задачам номинации.

Последние два десятилетия ознаменовались появлением многих фундаментальных теоретических и практических исследований в области словообразования как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Э. С. Азнаурова, Н. Д. Арутюнова, И. К. Архипов, Е. Бабич, С. Бабич, К. Бузашова, А. К. Гильдина, Е. Л. Гинзбург, М. Докулил, Е. А. Земская, Н. Ф. Клименко, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, О. Д. Мешков, Г. П. Нещименко, Л. Ф. Омельченко, М. Д. Степанова, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, В. Флейшер, Б. Чорич, М. Н. Яценецкая, Г. Яков и др.). В них ставятся и в той или иной мере решаются центральные вопросы словообразования как самостоятельного уровня языка, изучения основ словопроизводства и словосложения, определения специфических словообразовательных единиц — формантов или моделей производных, вопросы исследования проблем установления словообразовательного значения и определения признаков, отличающих словообразовательное значение от лексического и грамматического значений, и др.

Среди способов словообразования большое место занимает композитология. Сложные слова всегда привлекали и продолжают привлекать пристальное внимание исследователей (см., например, работы последних лет: Н. Ф. Клименко, Е. С. Кубрякова, О. Д. Мешков, К. А. Ряшенцев, Е. А. Макухина и др. См. также: А. Белич, М. Степанович, С. Бабич, М. Блхарский, К. Хандке и др.), однако исчерпывающего их описания до по-

следнего времени в лингвистической литературе нет¹. Это обусловлено гетерогенностью типов сложных слов, представленных в разных языках, входением этой категории в различные части речи, разнообразием семантических отношений между внешне одинаковыми компонентами производных и т.д.

Настоящая работа содержит сопоставительное описание сложных слов двух славянских языков – русского и сербскохорватского.

Значительное сходство славянских языков, обусловленное не только их генетическим родством, но и внутренними закономерностями развития, прослеживается прежде всего в системе номинативных средств, в порождении которых главную роль играет словообразование.

Активно развивающаяся теория номинации дает возможность акцентировать внимание на словообразовательных процессах как в системе одного языка, так и в сопоставительном аспекте. О необходимости сопоставительно-типологического изучения языков говорил еще Ш.Балли, указывая на важность изучения фактов и явлений одного языка с точки зрения другого языка. Такой подход позволяет решить многие проблемы, в частности, методом сопоставления можно получить отображение семантики слов и словосочетаний одного языка в другом.

У истоков отечественной науки сопоставительного языкознания в начале нашего века стоят работы И.А.Бодуэна де Куртене, особое внимание уделяя теоретическому аспекту сопоставления Д.В.Щерба. Интерес к контрастивной лингвистике заметно возрос в последнее время (см.: В.Н.Ярцева, Р.А.Будагов, В.Г.Гак, Н.И.Толстой, А.А.Уфимцева, В.Д.Аракин и др.). Однако до сих пор недостаточно разработаны как цели, так и методика анализа сопоставляемых языков.

¹ В работе К.Л.Ряшенцева "Сложные слова и их компоненты в современном русском языке" (Ряшенцев 1976) освещаются лишь вопросы, связанные с формальным аспектом проблемы сложных слов в современном русском языке. В фундаментальной работе Н.Ф.Клименко рассматривается словообразовательная структура и семантика сложных слов в современном украинском языке (Клименко 1984). Появился ряд работ, в которых анализируются различные типы сложных слов английского и немецкого языков (см.: Мешков 1986; Смольченко 1990; Павлов 1973 и нек.др.). В русистике же и сербистике подобных работ пока нет.

Между тем, сооставление систем или микросистем разных языков, выявление в них универсальных и идиоэтнических функций необходимо для создания как общей теории языка, так и для всестороннего углубленного изучения того или иного конкретного языка.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Выбор для изучения композитов определяется тем, что до сих пор отсутствует полное описание типов сложных имен существительных. В процессе производства композитов отражаются общие закономерности национального словообразования – в них реализуются словообразовательные типы и категории, мотивационная корреляция исходных и производных единиц, свойственные отдельным языкам.

Не разработаны также методика исследования сложных слов и принципы их изучения с учетом различных семантических разрядов, входящих в состав композитов конститuentов. Их семантика по-разному проецируется на лексические разряды мотивирующих элементов, что оказывает обычно решающее влияние на формирование словообразовательной семантики производных.

В этом свете исследование сложных слов представляется весьма актуальным, тем более, что они составляют значительный, хотя и компактный, но своеобразный в семантическом и грамматическом плане пласт лексики.

Словообразовательную компетенцию целесообразно рассматривать и как результат интеграции лексической и синтаксической систем языка, каждая из которых существует со своими автономными принципами. Интегральный подход позволяет обнаружить глубинные деривационные процессы, подтверждающие, что словообразование нельзя рассматривать как чисто дескриптивную лингвистику, берущую за основу корпус имеющихся в языке единиц.

Будучи специфическими словесными знаками, сложные слова отличаются от простых производных своей исходной базой. Композитология коррелирует с разными языковыми уровнями и, прежде всего, – с синтаксисом. Синтаксис – это наиболее сложный уровень языка. И в словосочетаниях, и в пропозициях проявляются разнообразные отношения языковых единиц, которые по-разному проецируются на типы производных лексем. В сложных словах, состоящих из двух и более конститuentов, структурно-смысловые отношения между языковыми единицами проявляются наиболее экс-

плицитно, тем не менее глубинные процессы, связывающие синтаксис и словообразование, полностью не раскрыты. Вследствие этого изучение сложных слов заслуживает особого внимания.

Актуальность выбранной темы определяется и тем, что накопленные в лингвистике сведения по функционально-семантическому описанию языковых единиц позволяют по-новому интерпретировать процессы образования композитов, рассмотрев и структурные, и функционально-семантические их особенности.

Гетерогенность композитов обуславливается, с одной стороны, сложными синтаксическими процессами, которые проецируются на номинативные единицы. С другой стороны, специфика таких единиц зависит от семантико-грамматических свойств ядерного компонента, от его частеречной принадлежности.

Функционально-семантические исследования синтаксических процессов и отдельных частей речи дают возможность более дифференцированно подойти к анализу сложных слов. Так, сложные слова с ядерным глагольным компонентом могут быть рассмотрены в новом ракурсе в связи с теорией валентности и с учетом их лексико-семантической классификации.

Целью диссертации является исследование системных процессов образования сложных имен существительных с глагольно-именными основами в русском и сербскохорватском языках.

Задачи исследования определяются поставленной целью. Они продиктованы необходимостью проверки отдельных гипотез, связанных с изучением сложных слов. Во-первых, в диссертации показано особое место сложных слов среди непрямых и производных единиц, раскрыта многоаспектность анализа композитов в плане языковой номинации и словообразовательной семантики, что связано с процессом универбации, семантической компрессии. Во-вторых, рассматривается синтаксический аспект производства сложных слов, т.к. в языке наблюдается коррелятивная связь между сложными словами и синтаксическими структурами. В связи с этим в работе ставится проблема валентности глагола применительно к разным лексико-семантическим группам. В-третьих, анализируется семантический потенциал сложных слов. Словообразовательные, функционально-семантические возможности номинативных единиц раскрываются в работе как следствие принадлежности исходного глагольного компонента к тому или иному разряду, которая обуславливает и соответствующие функции именных актантов в глагольно-именных словосочетаниях - функции субъекта, объек-

та, обстоятельств. В-четвертых, выясняется порождающий потенциал семантических групп исходных глаголов, участвующих в словопроизводстве. В-пятых, анализ сложных слов позволяет выйти за пределы словообразования к общей теории мотивации.

В сложных словах проявляется самая высокая степень мотивированности наименований, когда в основу кладется функциональный принцип, поскольку в качестве мотивирующих основ в них выступают не только названия действий, но и наименования именных актантов, которые связаны с действием.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сложные слова, представляющие собой расчлененные дифференцированные наименования реалий, образуют в лексико-семантической системе языка особую категорию номинаций. Специфика их заключается в том, что они трансформируют знаки-сообщения в знаки-наименования. Сложные слова характеризуют общие тенденции эволюции языка и его лексического состава, именно сложные слова наиболее полно отражают гибкость и подвижность лексической системы, её стремление к предельной экономичности и выразительности, равно как и безграничные потенциальные возможности языка.

2. Как и составные наименования, сложные слова имеют высокую степень мотивированности, поскольку в них увеличивается количество внешних мотиваторов.

3. В построении композитов особую роль играет глагол, поскольку в предикатной структуре классу глаголов принадлежит ведущая роль. Сложные слова с глагольным компонентом относятся к наиболее продуктивным типам словосложения, в которых проецируются структурно-семантические связи и отношения, характерные для пропозиции. В сложных словах с глагольным компонентом эксплицируется самая высокая степень мотивации – глагол занимает особое место в иерархии мотивационных отношений.

4. Иерархическое строение семантических разрядов глагола находит отражение и в неоднородности словообразовательного потенциала отдельных групп. Ведущая позиция в данном аспекте принадлежит разновидностям глаголов действия – лексемам со значением созидания, конструктивным, деструктивным и со значением такого воздействия на объект, при котором последний не перестает быть самим собой. Их словообразовательная активность проявляется в большом количестве глагольных лексем, вовлеченных в словопроизводство, и в разветвленных словообразователь-

ных парадигмах глаголов действия. Полярными по отношению к ним являются глаголы состояния.

5. Функциональный подход к исследованию материала путем реконструкции базовых словоочетаний позволяет выявить модели глубинных семантических падежей, провести контрастивные наблюдения над их различной поверхностной реализацией и сделать выводы о том, что независимо от поверхностного выражения актантов, участвующих в той или иной ситуации, на уровне глубинных структур они универсальны. Глубинная валентность глагола определяется "падежной рамкой", т.е. функциями агента, объекта, датива, инструментала, локатива и некоторых других.

6. Процессы унификации и интеграции в близкородственных русском и сербскохорватском языках проходят на фоне генетического родства, при котором наблюдается преобладание общих процессов развития над процессами дифференциации.

Для сербскохорватских базовых синтагм характерна большая гетерогенность предложных и предложно-падежных приглагольных форм, аналитичность конструкций в соответствии с русскими беспредложными конструкциями.

Методологические основы исследования. Анализ исследуемого объекта осуществляется с позиций системного подхода, позволяющего рассматривать язык как сложное образование, в котором могут быть выделены составные части и отношения между ними. Значительное место в исследовании языковых фактов занимает функционально-семантический анализ, дающий возможность раскрыть существенные взаимосвязи между элементами языка, в которых находят отражение сложные взаимоотношения между явлениями реальной действительности.

В диссертации используются специальные лингвистические методы: компонентный, статистический анализы и метод сопоставления.

Объект исследования в настоящей диссертации составили сложные имена существительные с глагольно-именной основой, извлеченные из толковых словарей русского (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный в 6 томах) и сербскохорватского (*Rečnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti u 23 dio*) языков. Для сравнительного ретроспективного и перспективного анализа привлекались словари XI-XVII вв., словари "Новые слова

и значения" (М., 1971 г., 1984 г.) и др.

Всего проанализировано сложных имен существительных, мотивированных глагольно-именными сочетаниями, в русском языке 3128 единиц, в сербскохорватском – 4176 единиц.

Научная новизна исследования определяется следующим: 1) в диссертации впервые дается комплексное сопоставительное описание процесса производства сложных имен существительных в русском и сербскохорватском языках, сравнительно-типологическое описание функционально-семантических характеристик сложных слов; 2) описывается семантическая классификация глаголов, вступающих в составе композитов, показан порождающий словообразовательный потенциал каждой группы глаголов; 3) установлены лексические границы глаголов действия и состояния, участвующих в архитектонике сложных имен существительных, описана их производящая база, определено, от каких лексико-семантических групп опорных глаголов образуется наибольшее количество композитов, выявлен деривационный потенциал моно- и полисемантических глаголов; 4) описаны закономерности семантического взаимодействия конstituентов сложных существительных и на этой основе разработаны принципы их исследования; 5) выделено общее и специфическое в сфере образования композитов в русском и сербскохорватском языках; 6) рассматривается одна из разновидностей мотивационных отношений, которая построена на функциональном принципе и включает как название действий, так и актантов, связанных с действием.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные в диссертации вопросы представляют интерес для дальнейшего изучения проблем словообразования и общей теории номинации, теоретических принципов и методики описания фактического материала сопоставляемых языков. Полученные данные могут быть использованы в практике преподавания современного русского и сербскохорватского языков студентам филологических факультетов университетов и пединститутков (в разделах "Лексикология", "Словообразование", "Синтаксис") и при разработке специальных курсов.

Результаты данной работы могут быть использованы для создания сопоставительной грамматики русского и сербскохорватского языков, в лексикографической практике – при составлении толковых, тематических и идиографических словарей, а также при создании двуязычного словообразовательного словаря.

Апробация работы. Основные положения работы апробировались на международных (Белград 1986, 1988), всесоюзных и региональных (Воронеж, 1981, Свердловск 1981, Ижевск 1982, Челябинск 1982, Самарканд 1982, Ташкент 1982, Свердловск 1984, Уфа 1985, Самарканд 1986, Гродно 1986, Самарканд 1987, Москва 1988, Свердловск 1990, Минск 1990, Фрунзе 1990), на итоговых конференциях профессорско-преподавательского состава Башгосниверситета (1973, 1974, 1976, 1977, 1978, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1986, 1988, 1989, 1990). Многие положения диссертации нашли отражение в дипломных работах студентов, в общем и специальном курсах, читаемых автором на филологическом факультете Башкирского государственного университета.

По материалам диссертации опубликована 41 работа общим объемом около 52,6 печ.л., в том числе монография (11 печ.л.), учебное пособие (5 печ.л.) и раздел в коллективной монографии (1 печ.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Во введении показываются основные направления в изучении словообразовательных процессов, формулируются задачи исследования, обосновываются его актуальность, научная новизна и практическая ценность.

В первой главе - "Номинативно-семантическая характеристика производных слов" - рассматриваются функции слова как номинативной единицы, проблема лексического значения, ориентированная на непроеводные, произвольные и сложные слова.

Язык располагает большим разнообразием номинативных единиц в плане структурного оформления и семантической характеристики. Еще Ф. де Соссюр указывал на фундаментальное различие двух типов языковых единиц: мотивированных-немотивированных, в которых выражаются различные аспекты направленности языкового содержания (значения) на предметы внешнего мира. В этом плане различаются слова, по структуре составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения реалий.

Проблема значения должна быть описана дифференцированно по отношению к разным типам номинативных единиц.

В непроеводных словах наблюдается прямая связь между лексическим значением и предметом, явлением объективной дей-

ответственности. Производные слова всегда зависят от производящих основ и структурно, и семантически. Все средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации. Общеизвестно, что основной функцией словообразования является пополнение словаря каждого языка новыми наименованиями со статусом слова для обозначения новых понятий как новых комплексов значений.

В деривационной системе языка центральную позицию занимает словообразовательное значение, в котором интегрируются сфера производных слов, комплексные единицы словообразования и словообразовательный синтез в целом.

Семантика производного слова опирается на семантику производящего и словообразовательной морфемы, на значение словообразовательной модели. В производных словах на первый план выдвигается значение отношения между предметами, явлениями, признаками, т.к. производное (мотивированное) слово отсылает нас к какой-то производящей (мотивирующей) основе и поэтому значение отношения (сема отношения) занимает ведущее место в смысловой структуре производных слов.

Абстрактная сема отношения, характеризующая тип связи между семантикой производного слова и производящей основой, является составной частью словообразовательного значения. Таким образом, в семантику любого производного слова входит реляционный компонент, и словообразовательное значение представляет собой разновидность реляционного значения¹.

Словообразование раскрывает один из регулярных в языке типов ассоциативных отношений, базирующихся на межсловной ассоциации, которая отличается от межпредметной ассоциации, выступающей на лексическом уровне в многозначных словах, являющихся названием различных классов денотатов, гомогенных в отношении оформления. Общетиповое значение, присущее серии слов, объединенных общностью форманта и характером отношений между предметом, действием, признаком и т.д., составляет словообразовательную семантику производных слов.

Таким образом, в самих номинациях отражается не только прямая связь между названиями и предметами, явлениями объек-

¹ Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

тивной действительности, но и различные типы отношений между реалиями. Номинативная функция – главная и первичная функция системы словообразования – своеобразно преломляется в производных словах. В словаре картина мира предстает не просто как "все именуемое", а и как "все соотносящееся, связанное друг с другом и друг от друга зависящее"¹.

Словообразовательное значение возникает в акте наречения как результат установления определенных отношений между тем фрагментом действительности, которому мы хотим дать название, и тем, с которым мы его сравниваем. Однако синтез значения слова в целом из значений составляющих его конститuentов должен опираться как на лингвистический, так и на экстралингвистический факторы. Все это подтверждает известное положение о фразеологичности слова (см.: Е.А.Земская, И.Г.Милославский, О.П.Ермакова). Компоненты смысла, не получающие формального выражения, обычно квалифицируются как смысловые приращения. Фразеологический элемент значения является индивидуальным компонентом производного слова. Таким образом, смысловая структура производного слова образует иерархически организованную структуру компонентов максимальной степени абстрагированности (сема отношения), "серийности", или класса (словообразовательное значение) и индивидуализации семантики (фразеологическое значение), которая определяется направленностью производного слова на определенный денотат.

В словообразовательном процессе превалирует номинативная функция языка, а наименование реалий основано более на индивидуализации, чем на объединении их в однотипные ряды. Вследствие этого в словообразовательном процессе обнаруживается противоречие между сущностью словообразовательного значения, основанного на серийности единиц, и конечным результатом наименования, тяготеющего к единичной реалии. Видимо, это и обуславливает высокую степень фразеологичности производных.

Вопрос о производных словах тесно связан с теорией мотивации, поскольку различная степень фразеологичности семантики производных обусловлена различными типами мотивационных отноше-

¹ Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре. – Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование. М., 1988. – С.162.

ний. Многочисленные типы мотивационных отношений в языке описаны достаточно полно (Н.Д.Арутюнова, Е.Л.Гинзбург, О.П.Ермакова, Е.С.Кубрякова, И.Г.Милославский, И.С.Улукханов и др.), однако сама теория мотивации до сих пор не создана. Решение общих проблем мотивации связано с вопросами внешней и внутренней мотивации в системе словообразования, с прямой и косвенной номинацией, вкладом каждой части в выражение мотивационных отношений.

Разные категориальные классы слов по-разному включаются в семантику производных наименований. Так, предмет по отношению к другому предмету может быть содержимым, вместилищем, материалом, из которого изготовлен другой предмет, его внешней приметой; названия животных, выступая в качестве производящей основы, сохраняют свою исходную семантику и в номинациях лиц, и в наименованиях предметов. Ср., например, телятник "хлев для телят" и "работник по уходу за телятами", собачник "любитель собак", гусятница "работница, ухаживающая за гусями" и "продолговатая посуда для жарения гуся, утки и другой крупной птицы" (О.П.Ермакова). В отглагольных дериватах реализуются связанные с действием значения субъекта, объекта, орудия, средства, времени и результата.

В производных наименованиях, включающих глагольный компонент, прослеживается функциональный тип номинации, то есть "обозначение объекта по целенаправленному действию, которое оно выполняет или орудием которого служит"¹. Это и обеспечивает их максимальную степень информативности, мотивированности, поскольку семантика мотивирующего слова (действие) "задает" их функциональную нагрузку, предопределяя субъектную, объектную, орудийную или локальную позиции производных лексем в составе предложения. Например, с глагольной семантикой тесно связаны существительные со значением профессиональной деятельности или временных занятий субъекта (бурильщик, кашевар), наименования орудий труда (землечерпалка, кофеварка, рыхлитель), производные с локальным значением (овощехранилище, раздевалка), существительные со значением результативного объекта (вышивка,

¹ Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. - С.203.

записка).

Поскольку при создании новых наименований происходит использование разноуровневых средств, неоднотипных в функциональном аспекте, то система словообразования выполняет по отношению к ним своеобразную организующую роль: разнородные языковые средства объединяются в достаточно сложное целое, образуя вместе упорядоченную совокупность тесно связанных между собой типов системы синхронного словообразования. Эта система представляет собой многомерную иерархическую организацию, создаваемую единицами различной структуры, разной степени сложности и функциональной нагрузки.

В сложных словах, в которых выражаются основные компоненты пропозиции, количество внешних мотиваторов увеличивается, эксплицируются типы связи между компонентами, в результате чего степень мотивированности возрастает.

Словообразовательная семантика объективирует область специфического значения, поскольку она связана с аспектами междусловной мотивированности, актуализирующей одно из проявлений "внутренней формы" (А.А.Потебня, Л.А.Новиков), и представляет собой семантическую добавку к значению производящего слова, передающуюся словообразовательными средствами, имеет обобщающий характер и принадлежит классу слов в пределах части речи. Многие лингвисты связывают мотивировку с понятием "внутренней формы" (В.В.Иванов, В.И.Кодухов, О.И.Блинова).

Внутренняя форма когерентна как со словообразовательным значением, так и с лексическим значением, в то же время она не отождествляется с двумя этими понятиями. В работах последних лет все чаще обращаются к внутренней форме производных слов (в аспекте синхронного словообразования) и к внутренней форме непродуцированных слов (в области лексикологии). Внутренняя форма слова, выступая как звено, через которое значение слова связывается с его внешней формой (морфологической структурой и звучанием), проявляется в языке неадекватно. Производные слова мотивированы связью с номинациями, от которых они образованы. Переносное значение мотивируется с сосуществующим с ним прямым значением. Мотивация, таким образом, формально проявляется в словообразовательной структуре производного слова, а содержательно, семантически — в его словообразовательном значении. В этом контексте употребляется обычно и термин

"внутренняя форма".

В производных словах разграничиваются внешняя и внутренняя мотивации, т.к. в них реализуется только одно звено синтаксической цепочки: учитель "тот, кто учит" (внешняя глагольная мотивация), школьник "тот, кто учится в школе" (внутренняя глагольная мотивация).

Проблема внутренней формы особенно актуальна при определении семантики сложных слов, и ссылка на внутреннюю форму (её реконструкция) необходима, поскольку она способствует более полному представлению его значения.

Сложные слова обладают свойством расчлененного представления того, что именуется. За каждым словесным мотивированным знаком стоит такая цепь суждений, одно из которых обязательно содержит в форме слова коррелят будущей производящей основы. Структуру многих производных можно рассматривать как своеобразную компрессию того или иного синтаксического целого, в том числе предложения. Формируясь, производное слово как бы проходит путь от сообщения к наименованию, оно скрывает за собой определенное утверждение. Вот почему отглагольные производные часто выступают как мотивированные не просто одним глаголом (или глагольной основой), но и обычными для него наименованиями объекта или обстоятельства. Ср.: писатель "тот, кто пишет литературные произведения", пахарь "тот, кто пахет землю", молчалик "тот, кто обычно молчит, не любит говорить". В этом проявляется связь словообразования с синтаксисом, которая обнаруживается и в другом отношении - в комбинаторике новых единиц из существующих. Словообразовательная семантика "включается" в системные отношения синтаксиса.

В сложных словах связь словообразования с синтаксисом проявляется наиболее эксплицитно, поскольку композиты как номинативные единицы принципиально отличаются от других типов производных. Формирование значения сложного слова осуществляется на базе словосочетания (синтагмы). Ср.: кофеварка (варить кофе), водовоз (возить воду), пескожил, биол. (жить в песке), рукодел (делать рукой). Поэтому мотивация сложного слова, отличаясь от мотивации простого слова, требует иного подхода. И не случайно В.В.Виноградов выводил словосложение за рамки правил образования простых слов, считая его своеобразным комбинированным типом словообразования синтаксико-морфологического.

При семантическом изучении сложных слов их наиболее контрастные типы выделяются на основе лексико-грамматических свойств опорного компонента. Выделение таких типов обусловлено сохранением морфемой опорного компонента свойств определенной части речи. Это обстоятельство имеет немаловажное значение в раскрытии специфики словообразовательных равновидностей вообще, поскольку вся система словообразования базируется именно на том, что в ней участвуют не семантически аморфные основы, а основы тех или иных частей речи. При этом словообразование от основы каждой части речи имеет более или менее определенные закономерности. Сложные морфемы опорного компонента, маркированные, таким образом, принадлежностью к определенной части речи, входят в систему словообразовательных средств со своими морфолого-категориальными и лексико-семантическими свойствами.

Следует указать, что типы связи между конститuentами композитов с именными или глагольными базовыми основами существенно различаются. Так, мотивационные отношения в сложных словах, образованных по модели "существительное + существительное", "прилагательное + прилагательное", "прилагательное + существительное", "существительное + глагол" и т.д., будут неоднотипны.

При внешне одинаковой структуре необходимо разграничивать также сложные слова, отличающиеся типами отношений, которые, в свою очередь, зависят от характера синтаксических связей в исходном сочетании. Типы синтаксических отношений, реализующиеся в сложном слове, являются гетерогенными и зависят от множества причин. Так, сложные слова могут создаваться как на базе сочинительных (т.е. равноправных), так и на базе подчинительных отношений. В первом случае возникает элементарный тип мотивационных отношений, поскольку композит представляет собой сумму признаков, предметов и явлений, названных мотивирующими словами. Ср.: лесостепь, северо-запад, железобетон. При подчинительном отношении слов в базовом сочетании наблюдается диффузность мотивационных отношений, отражающих различные связи между реалиями в объективной действительности. Ср.: засухоустойчивый (устойчивый по отношению к засухе).

Различные направления конкретизации и уточнения отношений между конститuentами сложного слова отражают многообразие типов синтаксических отношений (предложное и беспредложное управление, включая различные формы вариативности; согласование, при-

мыкание с учетом специфики частеречных отношений и т.д.), в которых утрата формальных признаков зависимости восполняется смысловой компрессией субъектных, объектных, атрибутивных и обстоятельственных отношений в производном.

Таковы замечания общего характера. Однако необходимо дальнейшее конкретное изучение сложных слов в плане реализации в них различных типов мотивационных отношений, неадекватно проявляющихся в разных типах синтагм.

Генетически и синхронно словообразование связано не только с лексикой, но и с синтаксисом¹. Более того, в сфере словообразования лежат процессы, связывающие лексику с синтаксисом, в частности, процессы преобразования предложений, которые приводят к номинализации – слову. Это своеобразный "мостик" от предикативных к непредикативным знакам и отражается в структуре производных слов в виде латентной прадикации и такого моделируемого средства её отражения, как словообразовательные значения.

Сложные слова характеризуются многообразием функциональных регистров², поэтому трудно очертить круг возможных употреблений сложных слов в различных функционально-речевых стилях (Д.Н.Шмелев). Одни из них "привязаны" к книжной речи со всеми их разновидностями (славянизмы, публицистическая лексика), другие – к разговорному стилю языка, значительное количество композитов являются стилистически нейтральными. Широта их использования объясняется тем, что многие из них стилистически отмечены, т.е. "приспособлены" к определенным видам коммуникации.

Во второй главе – "Сочетаемость семантических классов глаголов, участвующих в образовании сложных слов" – дается описание глагола как носителя валентности в базовых словосочетаниях.

¹ Отношения основ в сложных словах через синтаксические отношения определяют Э.Бенвенист, Е.Д.Гинзбург, М.Докулил, Н.Ф.Клименко, Г.Маршанд, В.И.Поротиков, М.Д.Степанова и др.

² О "семантических регистрах" см.: Толстой Н.И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии ("семантический регистр" в аппеллятивной и гидронимической лексике) // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV–XV. М., 1987. – С.23–32.

Если в качестве строительного материала для высказывания словосочетание тяготеет к коммуникативной функции языка, то в качестве исходной базы для сложных слов словосочетание ориентировано на номинативную функцию языка. Таким образом, существует сфера, где словосочетание реализует только номинативную функцию языка — это образование сложных слов.

Как двухаспектная единица языка, словосочетание характеризуется набором гетерогенных признаков, в которых аккумулируются синтаксические, морфологические и функционально-семантические явления. Перечисленные грани словосочетаний соответственным образом преломляются и в процессе словопроизводства. При номинализации словосочетаний в них сохраняются основные, фундаментальные свойства — особенности синтаксической и лексической сочетаемости, функционально-семантическое взаимодействие конститuentов, хотя все указанные свойства при преобразовании словосочетаний в сложные слова модифицируются, видоизменяются, и полного наложения синтаксической матрицы на номинативную не происходит.

Какие же существенные характеристики словосочетаний проявляются в процессе номинации, иными словами, каково поведение их конститuentов при универбации?

Сочетаемость слов, их форм представляет ту область, в которой взаимодействуют факторы грамматического и лексико-грамматического порядка, поскольку проблему можно рассматривать, с одной стороны, в грамматическом плане как сочетаемость лексико-грамматических разрядов слов (частей речи), их форм, с другой стороны, в лексическом плане "как совместимость соответствующим образом оформленных лексем"¹.

Сочетаясь друг с другом, слова получают в предложении определенную функциональную характеристику, занимая в иерархии синтаксических связей определенное место, или функционально-синтаксическую позицию, указывающую на назначение данной словесной формы относительно другой, связанной с ней словесной формы (позиции субъекта, объекта, адресата, обстоятельства). Замещение открываемой валентными свойствами слова функционально-синтаксической позиции может быть либо обязательным, либо

¹ Абрамов В.А. Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи) // Филологические науки. — 1966. — № 3. — С. 34-44.

факультативным.

Роль организующего центра предложения выполняет глагол, к которому сводится в конечном итоге вся сеть последовательно разветвленных синтаксических связей. Как носитель валентности, глагол предполагает наличие вокруг себя открытых позиций, число и характер которых точно детерминированы и которые могут и должны заполняться актантами.

Как неоднократно подчеркивалось в традиционной лингвистике, в аспекте сочетаемости противопоставляются глаголы действия и состояния, глаголы прямопереходные, ковеннопереходные и непереходные. Эти классы различаются и лексической, и синтаксической валентностью. Чтобы разобраться в этой проблеме и выделить те стороны синтагматических потенций глагольных единиц, которые актуальны для словопроизводства, необходимо выявить общую картину их сочетаемости, обусловленную их принадлежностью к определенному лексико-грамматическому разряду. В связи со сказанным представляется очевидным, что для описания сложных слов целесообразно рассмотреть лексико-семантическую классификацию глаголов с учетом лексической наполняемости позиции объекта. Подобный анализ необходим для описания деривационного потенциала лексико-семантических групп глаголов в сочетающихся с ними имен. Синтаксическая и лексическая сочетаемость глаголов недостаточно изучена в плане того, как они выступают в качестве строительного материала в номинативной сфере языка. Представляется, что не все аспекты характеристики сочетаемости слов "работают" на создание сложных слов.

Сочетание прямопереходного глагола с наименованием объекта в винит. пад. возникает на основе синтаксической и лексической валентности глагола. Причем синтаксическая валентность, реализуясь в модели VN_2 , является однойтипной; лексическая же валентность прямопереходных глаголов обусловлена их принадлежностью к различным лексико-семантическим разрядам, каждый из которых сочетается с определенными тематическими группами существительных конкретной и абстрактной семантики. Вот почему, рассматривая позицию, замещаемую при прямопереходном глаголе винит. пад. без предлога, принято учитывать не только грамматическую формулу сочетаемости (VN_2), но также лексико-семантическое наполнение модели как со стороны управляющего глагола, так и со стороны управляемого существительного (см.: А.Ф.Атроценко, Р.Ф.Газизова, И.С.Новицкая, А.М.Мукин и др.).

Переходность глагола связана с интенцией глагольного действия, т.е. с тем его признаком, который обнаруживается в связях глагола как сказуемого с именем производителя действия и именами объектов, на которые оно распространяется. Интенция действия прямопереходных глаголов направлена от субъекта к объекту, характеризуется единой синтаксической моделью и получает оформление в виде винит.пад. существительного (Д.Гортан-Премж, Г.Н.Акимова, С.М.Кибардина). Прямопереходные глаголы являются обязательно (ср. р у с. мать шьет платье, с х р. мајка шије хаљину) или факультативно (если учесть их абсолютное употребление, - р у с. мать шьет хорошо, с х р. мајка шије добро) детерминированными. Интенция, будучи категорией лексико-грамматической, сказывается на валентности данного глагола, лежит в её основе и в общих чертах предопределяет её.

Значительное количество переходных глаголов трехвалентно. Второй объект при них выражается падежными и предложно-падежными конструкциями. Таковы, например, практически глаголы всех семантических групп, называющие действие или состояние, рассчитанное на адресата (ср.: р у с. уступить место партнеру, с х р. попустати место партнеру. Модель $N_n V N_n N_d$).

Косвеннопереходные глаголы большей частью гетерогенны в плане использования падежных форм и разнообразия предлогов. Ср.: глаголы достижения (р у с. добиться победы, требовать внимания, просить помощи, с х р. тражити опоравка - модель $N_n V N_d$, но: с х р. постићи победу, тражити помоћ - модель $N_n V N_d$), глаголы удаления и лишения (ср.: р у с. опасаться гриппа и соседа, с х р. бојати се грипа и суседа - модель $N_n V N_d$) и т.д.

Для образования сложных слов существенны синтаксическая и лексическая характеристики глаголов во взаимодействии. Однако степень их активности при этом неадекватна. Синтаксические характеристики при образовании сложных слов, включающих глагольную лемему и именной компонент с разнообразным синтаксическим оформлением, одинаковы, поскольку с именной части при образовании композитов как бы снимается их синтаксическая определенность, они становятся аморфными, синтактикоподобными (М.Д.Степанова). Напротив, более вычуждено в композитах выступает лексическая сочетаемость. Последнее обусловлено тем, что сложные слова - это номинативное средство языка, и они в большей степени опираются на лексическую базу. В сложных словах реализуется

синтаксическая сочетаемость общего плана, на которую лексика накладывает ограничения. Лексическая избирательность в образовании сложных слов predetermined, видимо, семантическими процессами, которые характерны для развития словарного состава вообще. Выступая как особая зона номинативных средств языка, сложные слова заполняют лакуны в словаре или дифференцируют существующие наименования, т.е. дают более расчлененные названия реалий. Так, глагол действия волочить имеет широкую лексическую сочетаемость: волочить ногу, диван, книги, мешок, проволочку, дерево, раненого и т.д. При образовании композитов с глагольной основой волок-/волоч- объем наполняемости модели сужается до обозримого количества наименований объектов. Ср.: сеноволокуша, соломоволокуша, трубоволочение. Данный пример наглядно свидетельствует о противоречии между синтаксической характеристикой словосочетания, которая тяготеет к регулярности модели словосочетания, и номинативно-лексической характеристикой, обусловленной экстралингвистическими факторами, которые вызывают жесткую избирательность по отношению к типовой модели. Следовательно, если синтаксическая модель универсальна, то словообразовательный тип сложных слов накладывает на синтаксическую матрицу ограничения, поскольку композиты выступают в ряду других номинативных средств, подчиняясь лексическим законам языка. Если же эта избирательность расширяется, то наблюдается тенденция к переходу глагольного компонента в ряд служебных морфем (Е.А.Земская, Б.Терзий). Ср. глаголы р у с. водить, с х р. водити, участвующие в образовании большого количества композитов: р у с. воевода, гусеводство, домоводство, письмоводитель, шиверод и др., с х р. Бојвода, плавовођа, рачуновођење, свиловодство, пливновод, законводац и пр. Подобные слова занимают промежуточное положение между простыми лексемами и композитами. Таким образом, лексическая регулярность наполнения объектной позиции в сложных словах приводит к стиранию существенных характеристик композитов как особых номинативных единиц, поскольку в этих случаях в глагольном компоненте редуцируется лексическое значение.

В процессе словопроизводства сохраняется и функциональное взаимодействие конститuentов, т.е. отношения типа "действие + субъект", "действие + объект", "действие + обстоятельство". Так передаются глубинные значения синтагм, в то время как поверхностные отношения как бы снимаются, поскольку связи

управления, примыкания и т.д. как таковые в сложных словах уже не эксплицируются.

Как видим, основным фактором при образовании композитов являются функциональные характеристики конститuentов синтагмы, обусловленные содержательной валентностью глаголов. Критерий состава содержательных валентностей глагола определяется обозначаемой им ситуацией. По числу открываемых синтаксических позиций глаголы русского и сербскохорватского языков делятся от одного до трехместных, реже встречаются четырех- и пятиместные. При этом актуализируются их субъектные и объектные или субъектные, объектные и обстоятельственные потенции.

В базовых для сложных слов словосочетаниях чаще всего реализуется объектная (регулярно для прямопереходных и спорадически для кооперопереходных) и субъектная (регулярная для непереходных) валентность глаголов, одностипно актуализируются его обстоятельственные валентности. Обязательная обстоятельственная валентность ограничивается небольшим кругом лексико-семантических групп глаголов и довольно узкой семантикой обстоятельственных мест.

Регулярнее всего обязательные обстоятельственные позиции замечаются при глаголах движения. Как своей семантикой, так (еще чаще) своей словообразовательной формой — наличием и видом приставки (И.Г.Малославский, В.М.Григорян) — глаголы перемещения в пространстве открывают позицию обстоятельства места — направления. Ср.: р у с. добежать до леса, отлететь от города, с х р. дотрчати до шуме, одлетети од града и под.

Предикативно незавершенными и требующими распространения обстоятельством места являются многие глаголы положения в пространстве: р у с. лежать на диване, класть на подоконник, о х р. лежати на дивану, стављати на прозорску даску.

При анализе процесса образования сложных слов необходимо иметь в виду две особенности категории объекта. С одной стороны, в языке прослеживаются сферы лексического варьирования объекта, с другой стороны, — сферы синтаксического (формального) варьирования. Обе эти особенности объектов обусловлены их связью с различными разрядами глаголов. Существует большой массив глаголов, для которых характерна одностипность синтаксического оформления — это глаголы действия с прямым объектом — прямопереходные глаголы. Поэтому в этом разряде глаголов основной является проблема лексического варьирования. Так, в разряде

глаголов действия выделяются также, диапазон объектной сочетаемости которых чрезвычайно широк, может включать в орбиту своей сочетаемости несколько лексико-семантических групп существительных и даже приближаться к свободной; абсолютная величина их диапазона определяется и ограничивается, в основном, только экстралингвистическими или стилистическими факторами. Ср.: создать мир, города, машины, оборудования, рубеж обороны, инструменты, группы людей, отряд, учение, роман, настроение, небереберку и т.д. В разряде глаголов действия выделяются и типы глаголов, объектная сочетаемость которых ограничивается лишь одной лексико-семантической группой существительных. Ср.: выкопать канаву, окоп, могреб. Или: снести яйцо. Такие типы глаголов в лингвистике принято называть глаголами с полигрупповой и моногрупповой сочетаемостью (О.Н. Анисьева).

В другой части глаголов наблюдается максимальное синтаксическое варьирование — это косвеннопереходные глаголы. Семантические типы объектов изучены в основном применительно к прямопереходным глаголам. Что же касается косвеннопереходных глаголов, эта проблема остается не до конца изученной. Наблюдения показывают, что, с одной стороны, в семантическом плане косвеннопереходные глаголы изофункциональны с прямопереходными, поскольку для них характерны те же семантические функции объектов: содержание (заниматься рукоделием, сообщить о землетрясении, охладеть к спорту), адресат (купить для детей), прямой объект (смотреть в окно, стрелять в мишень) и т.д. С другой стороны, функциональное содержание косвеннопереходных глаголов несомненно богаче прямопереходных, поскольку в их сфере выражаются семантические функции как цель (сражаться за свободу), причина (преследовать за убеждения), инструмент (распилить пилой, стрелять из рогатки), средство (писать мелом), мотив (уважать за трудолюбие), аспект (выделяться по цвету) и т.д. Именно в сфере косвеннопереходных глаголов наблюдается взаимодействие объектных и обстоятельственных функций. Ср.: получить из молока и освободиться из тюрьмы.

Среди обстоятельственных функций наиболее частотными являются количественные, качественные конкретизаторы (говорить много, писать быстро) и пространственные локализаторы — обозначения начальной точки, конечной точки движения, маршрута (выйти из дома, приехать в город, гулять по лесу).

Немаловажная роль в производстве сложных слов принадлежит

и функционально-семантической категории субъекта. Субъект является одной из основных единиц семантической структуры предложения. В наиболее общем виде субъект определяется как носитель предикативно выраженного признака. Семантика предиката оказывает на субъект существенное влияние. В связи с этим могут быть выделены разные семантические типы субъекта: агентивный субъект (отец болеет), субъект владения (он владеет землей), субъект функционирующий (часы идут), субъект восприятия (охотник слышит шорох), субъект оценочного или эмоционального отношения (мы любим Родину) и т.д. (Г.А.Золотова).

В силу того, что подавляющее большинство сложных слов образуется на базе бинарных синтагм, в них реализуется только одна содержательная валентность глагола. В этом также проявляется принцип избирательности, "диктующий" выбор субъектного, объектного (прямого, косвенного) или обстоятельственного актанта, один из которых актуализируется в композите. Ср.: р у с, водоворот, сенокосилка, водолечение. Глагол может реализовать и несколько содержательных валентностей в разных сложных словах. В таких случаях возникают гнезда, пучки сложных слов с одним и тем же ядерным глаголом. Ср.: баснописец, летопись, машинопись, кинопись, скоропись, рукопись и т.д. В связи с этим необходимо указать еще на одну фундаментальную особенность образования сложных слов, которая обусловлена емкостью функционально-семантической характеристики глагола, "вбирающего" в себя все многообразие связей внеязыкового мира. Так, если в составе исходной базы для сложных слов (т.е. на "выходе") выступают, кроме действия, связанные с ним субъект, объект или обстоятельства (качественно и количественно определятельные, места, времени), то в самих сложных словах уже наблюдается функциональное обновление глагольной семантики, поскольку на "выходе" мы имеем лексемы со значением или действующего лица (рыболов), или орудия действия (сенокосилка), или места действия (грязелечебница), или названия разнообразных неодушевленных объектов (горшечник, мухомор).

На образование композитов влияет также типология лексического значения глаголов.

Подход к сложным словам как к гетерогенным структурам неизбежно предполагает разграничение разных типов значений в рамках смысловой структуры многозначных глаголов. Вопрос о развитии многозначности связан с лексической сочетаемостью.

поскольку необходимым условием сдвига в семантике глагола является смена субъекта и объекта (носителя признака и предмета, подвергающегося воздействию). Так, например, с разными значениями русского глагола делать связаны сложные слова оукнодец, земледелец, рукоделие.

С многозначностью глаголов связан также переход от номинативной к коннотативной сфере языка – фактор, который определенным образом преломляется в образовании композитов. Ср.: баснописец, борзописец.

В третьей главе – "Функционально-семантический потенциал сложных слов с глагольным компонентом в русском и сербскохорватском языках" – анализируются отдельные лексико-семантические разряды глаголов, их деривационные возможности в сфере композитов.

Подавляющая масса глаголов русского и сербскохорватского языков в базовых для сложных существительных глагольно-именных сочетаниях ориентирована на лицо, т.е. это действия, совершаемые человеком, или процессы, связанные с его жизнедеятельностью, с его физиологическими или психическими отправлениями.

В количественном отношении глаголы действия составляют самую большую группу как в материалах русского, так и сербскохорватского языков. Основные семантические признаки, входящие в структуру глаголов действия, определяют такие параметры, как цель и способ действия, орудие или средство осуществления действия, материал, применяемый в процессе действия.

В классе глаголов действия выступают слова гетерогенные, неоднородные по своему семантическому диапазону. Одни глаголы характеризуются абстрактным, широким значением, другие, напротив, имеют конкретную, узкую семантику. Максимально широкое значение характеризует, напр., русский глагол делать, с которым связано представление о разряде глаголов как особой части речи. Он обладает лишь общекатегориальным значением действия, процесса и лишен конкретных лексических признаков. Переход от абстрактного к конкретному, от широкого к узкому значению в одном и том же классе глаголов обусловлен ориентацией их содержания на аспекты (лексические категории) – цель, способ действия, характер объекта, орудие действия и т.д. В классе глаголов действия обнаруживается определенная градация, показывающая постепенный переход от абстрактной семантики к конкретной (Э.В.Кузнецова, Т.А.Кильдибекова). Ср.: р у с. делать –

ведать -- строить -- валать -- пить и т.д.

С названным противопоставлением глаголов действия связанных словообразовательный потенциал. Глаголы с абстрактной семантикой зачастую объединяют целые гнезда сложных слов. С глаголами же конкретной семантики возникают единичные композиты. Связь глаголов общего значения с именами более грамматикализована, т.к. семантика глагольной леммы не содержит дополнительной информации о природе имени (субстанции), на которое ориентировано действие. Так, русский глагол строить употребляется с существительными разных тематических групп как конкретной, так и абстрактной семантики. Ср., напр., названия помещений (домостроение, театростроительство), названия машин и агрегатов (приборостроение, кораблестроитель, турбостроительство), названия населенных пунктов (градостроительство), названия водно-ирригационных сооружений (гидростроение), наименования переправ (мостостроение), дорог и подземных сооружений (тоннелестроение, шахтостроение), социальные понятия (бгостроительство, жизнестроение) и др. Вследствие этого он имеет наиболее разветвленную словообразовательную парадигму и участвует в создании большого количества композитов. В словообразовательном словаре А.Н.Тихонова фиксируется до 112 сложных существительных, мотивированных сочетаниями с основой глагола строить. Причем все композиты образованы на базе сочетаний, в которых данный глагол реализует объектную валентность по модели VN_д.

Производные с глаголом строить образуются с абстрактной и конкретной (агентивные) семантикой. См. примеры выше.

Глаголы действия в составе исследованных композитов представлены широким спектром значений. Эти глаголы (или подгруппы глаголов) открывают субъектно-объектные позиции, замещаемые местоимениями и существительными беспредложными и с предлогами, обстоятельственные позиции, замещаемые различными разрядами наречий и субституирующими наречиями словами. Здесь рассматриваются лишь некоторые семантические разряды глаголов.

Значительную часть глаголов действия составляют глаголы, указывающие на различные способы воздействия на объект.

Так, глаголы р у с. варить, печь, плавить, с х р. варити, кукати, пейи и др. объединяет общее для них чтение "подвергать обработке при высоких температурах".

Регулярной для них является позиция прямого объекта (ср.:

р у с. костовар, хлебопек, медеплавильщик, с х р. восковар, водокух, крухопеча. Модель VN_A) и обстоятельственная позиция с темпоральными наречиями (ср.: р у с. скороварна, с х р. брзокух. Модель VD), реже – субъектная позиция (ср.: р у с. самовар, с х р. самолек. Модель $Pron V$).

В именной части композитов с глаголами данной подпарадигмы обычно выступают ЛСГ со значением прогуктов питания, различных материалов и сырья (ср.: р у с. сало, хлеб, сахар, соль, квас, сок, мыло, сталь, селитра, смола, стекло и др., с х р. пиво, воск, крух, вода, золото и др.). Производные в обоих языках образуются с абстрактной (ср.: р у с. ошварение, с х р. тихокухан е) и конкретной семантикой (ср.: р у с. со значением лица – мыловар, со значением приспособления, машины – селитроварка, соковарка, с докативным значением – солеварня, с х р. со значением лица – крухопечник, с предметным значением – пивоварник, с докативным значением – восковарница).

К этой подгруппе примыкают глаголы действия со значением способа обработки при высоких температурах с дополнительными оемными множителями, указывающими на возможность придать определенную форму объекту. Среди них р у с. лить, плавить, прокатать, с х р. лити, зльвати. Для этих глаголов характерна лишь объектная сочетаемость с винит. беспредложным (ср.: р у с. словолитчик, вальцепрокатка, с х р. пукколе), модель VN_A) и – единично в русском языке – позиция обстоятельства образа действия, замещаемая наречиями туго, легко (ср.: р у с. легко-, тугоплавкость, модель VD).

В именной части базовых композитов выступает в обоих языках, как правило, существительные конкретной семантики, причем в сербскохорватском языке круг таких существительных уже: р у с. медь, сталь, серебро, олово, лист, рельс, труба, дробь и др., с х р. руда, мед, пушка, слово. Производные же образуются с абстрактной (ср.: р у с. колесопркатка, с х р. словолитство) и конкретной семантикой (ср.: со значением лица – р у с. медеплавильщик, с х р. рудозльваец, с докативным значением – р у с. словолитня, с х р. словолитница).

Деструктивные глаголы (р у с. давить, губить, драть и др., с х р. давити, губити, дерати и др.) – все прямопереходные и образуют базовые сочетания по модели VN_A . Ср.: р у с. душегубец – губить душу, шкуродер – драть шкуру, с х р. бродоразбеник – разбить брод, оликодер – драти слику. Характерной

для них является и орудийная позиция. Ср.: р у с. мразобойна, с х р. мразобити, ак. Модель VN_i . В сербскохорватском языке реализуется также субъектная позиция. Ср.: саможег. Модель $Pron V$. Таким образом, при данной группе глаголов в базовых сочетаниях реализуется в русском языке две позиции – VN_d, VN_i , в сербскохорватском – три ($Pron V, VN_d, VN_i$).

В базовых сочетаниях и в русском, и в сербскохорватском языках выступают обычно существительные конкретной семантики со значением одушевленных и неодушевленных предметов, местоимения р у с. весь, с х р. све, сам; абстрактные существительные – спорадично: в р у с. душа, с х р. вера, мир. Производные же в обоих языках представлены большим количеством и абстрактных существительных (ор.: р у с. живодерство, трупоразъятие, с х р. вероломност, мироломство и др.), и существительных с конкретной семантикой (ср.: со значением лица – р у с. каменолом, душегубец, с х р. лозозубац, свинодерац; орудия, инструмента – р у с. зубодерка, снеголсм, с х р. орачоломац, зидодер, губодушница; предмета – р у с. сиводер, с х р. костоломка; места – р у с. живодерня, водораздел, с х р. вододелница, вратолом).

Особняком в группе глаголов действия стоят глаголы, характеризующие предмет через действие. Они представлены значительным числом единиц с усложнением мотивирующих композиты моделей словосочетания значением эмоционального отношения: р у с. вредить, бльсти, радеть, разводить, с х р. целовати, штетити; со значением характеристики отношения через действие: р у с. защищать, заступиться, оборонять; с х р. штитити, бранити, обранити, исправити; со значением качественной характеристики через действие: р у с. обновлять, ремонтировать, упираться, с х р. бежбати, пробати, редити, уредити, вршити; со значением интенсивности развития: р у с. усилить, разводить; с х р. јачати, дуплирати, подељивати.

Семантика этих глаголов отличается своей спецификой, подержанной дистрибуцией. При них реализуется большое количество синтаксических позиций, образующих разнообразные модели. Наиболее регулярно это отражается в русском языке. Ср.: модель VN_d – бльсти законы (законобльститель), защищать лес (лесозащита), усилить звук (звукоусиление), обновлять сорт (сортообновление) и др.; модель VN_d – вредить душе (душевредник), упираться "противостоять" морозам (морозоупорность); модель V от N_g –

защищать от снега (снегозащита), модель VN_i – вредить языком (языковредие, устар.); модель V в N_p – повредиться в уме (умовредие); модель V за N_a – заступаться за права (правозаступничество). При глаголах этой подпарадигмы актуализируется также субъектная позиция (модель $PranV$), замещаемая дейктическим словом (ср.: обороняется сам – самооборона), и обстоятельственная позиция, замещаемая наречиями (ср.: радеть мало – малорадение. Модель VD).

В сербскохорватском языке это – модель VN_a – целовати руку (рукоцелов), бранити град (градобранител), исправити дело (делоисправство), вежбати тело (теловежбање); модель VN_i – штетити руком (рукоштетник), јачати руком (рукојаћање), модель V од N_g – бранити од ветра, ватре (ветробана, ватробран); субъектная позиция, как и в русском языке, замещается дейктическим словом – модель $PranV$ – одбрани сам (самоодбрана).

Глаголы данной субгруппы сочетаются с абстрактными (р у с, душа, зло, право, звук и др.; с х р. правда, чудо, заклетва, зло и др.) и конкретными существительными (р у с. язык, град, лес, снег, вода, паровоз, птица; с х р. рука, град, срце, земља, врата, тело и др.).

Производные также образуются с абстрактной (ср.: р у с. малорадение, водоупорность, сортообновление, птицеразведение, звукоусиление; с х р. рукоцелов, смядноредност, здвојеврштенье и др.) и конкретной семантикой (ср.: р у с. судоисполнитель, звукоусилитель, паровозоремонтник и др.; с х р. срцоштиткар, бранописалац, падобран, делоисправник, златопроб и др.).

В классе глаголов действия выделяются глаголы такого воздействия на объект, при котором последний не перестает оставаться самим собой. Среди них р у с. маскировать, прикладывать, лить "выливать", бить "ударять, колотить" и "наносить удары", ткнуть, мерить, торговать, черпать и др., с х р. тражити, скривати, борити се, трескати "стучать", лити, трговати, мерити, црпати, чесати и др.

Глаголы этой подпарадигмы представляют собой лексемы с реализованной комплексной валентностью и отличаются от других глаголов действия большим разнообразием синтаксических моделей, образуемых одним и тем же глаголом. Многие из них полисемантические и в зависимости от контекста обнаруживают специфические семантические признаки. Ср., напр., русский глагол бить,

который в данной субгруппе актуализирует два из одиннадцати значений – “ударить, колотить” и “наносить удары, побои, избивать”. Обращает внимание и то обстоятельство, что лексическая сочетаемость их реализуется по принципу избирательности, имеющему тематическую направленность на группы существительных с конкретным значением (ор., напр., р у с. рука, вода, броня, золото, зуб, морда, кровь, молоко, вино, книга, лес, раб, рыба, скот, товар, шелк, змея и др.; с х р. вода, вуна, руда, сад, венац, крв, кнѣга, рог, стрела, глава, зид, слика, чело, икона и др.). Абстрактные существительные встречаются спорадично (ср.: р у с. правда, дух, тепло, с х р. част, служба, дух).

Глаголы данной подпарадигмы реализуют соответственно в русском языке от I до 6 позиций, в сербскохорватском – от I до 3 позиций. Ср.: р у с. маскировать свет – светомаскировка, с х р. вагати вуну – вуновацац (модель $V N_A$); р у с. бить морду – мордобойство, с х р. земљу мерити – земљемер (модель $V N_A$) и р у с. бить рукой – рукобитчик, бить челом – челобитие, с х р. мерити шетком – шеткомерење (модель $V N_I$) и т.д.

Три актантные позиции реализует сербскохорватский глагол борити се (киповоборац – борити се против кипова, модель V се против N_A ; крухоборац – борити се за крух, модель V се за N_A ; ратоборство – борити се у рату, модель V се у N_P и т.д.).

До шести актантных позиций открывается при русском глаголе бороться (градоборство – бороться против города, модель V ся против N_A ; броноборец – бороться в броне, модель V ся в N_P ; оружеборец – бороться с оружием, модель V ся с N_I ; ратоборец – бороться на/в рати, модель V ся на/в N_P , нощоборство – бороться ночью, многоборец – бороться по нескольким видам спорта, модель $V I$; самоборство “единоборство” – борется сам, модель $Pron V$).

На базе показанных моделей образуются композиты с абстрактным (ср.: р у с. рукопожатие, кровоизлияние, работорговля, звукоизменение, с х р. водоцрпање, рукутрење, земљемерство и др.) и конкретным значением – со значением лица (ср.: р у с. лесоторговец, кладоискатель, шелкомотальщик, с х р. мачово]ник, водолија, вуновацац и др.), устройства, машины, приспособления (ср.: р у с. молокомер, водочерпалка, углепогрузчик, водослив, с х р. гласомер, виномер, мљеко-, водо-, топиномер и др.), места (ср.: р у с. шелкомотальня, водокачка, частоторговля П, с х р. благоскровиште, светоскровиште), жи-

вотного (ср.: с х р. сисокрија).

Глаголы движения / перемещения, участвующие в архитектонике сложных существительных, в мотивирующих сочетаниях представлены довольно широко (ср.: р у с. бежать, бродить, водить, волочить, восходить, вертеть, летать, перевозить, плескаться, парить, плясать и др., с х р. бежати, вијати, возити, вертети, доћи, лазити, мицати, пловити, ходати и др.

Глаголы перемещения р у с. везти, нести, приносить, с х р. возити, носити, прибити характеризуются признаками, семантически сближающими их с глаголами передачи, в частности, каузативностью и возможностью открывать позиции для прямого объекта. Такую позицию (модель VN_3) открывают 50 % глаголов движения в материале русского языка (ср.: грузовоз – возить груз, путеобходчик – обходить путь и др.) и 32 % – в сербскохорватском (ср.: листонос – носить листво, власонадавица – падати власти).

Разнонаправленность глаголов движения (перемещения), их многозначность обуславливает возможность открывать различные позиции с косвенными падежами с предлогами и без предлогов (ср.: р у с. руководство – водить рукой. Модель VN_1 ; газубежище – убежать от газа. Модель V от N_3 ; с х р. стрмоскок – скокнути са струма. Модель V са N_3 ; весловоз – возити се на весла. Модель V на N_3).

Субъектная позиция при глаголах движения регулярно замещается в русском материале именами существительными (ср. композиты: нищоброд, головокружение, кровообращение, водопад, ледоплав, семьяход, сокодвигение, кровоподтек, камедотечение и др.) и – единично – дейктическим словом сам (ср.: самолет); в сербскохорватском материале в большей части композитов именной компонент – имя существительное (ср.: водоскок, крвоточење, срцотрпет, богојављење, земљотрес, срцогрњање, водопад, сунцоврат и др.), реже – дейктическое слово сам (ср.: самокрећа, самокрет, самоскок, самоскиталац, самогиб, самовоз). Модели $N_n V$ и $Prop V$.

Обстоятельственная позиция реализуется при глаголах р у с. водить, махать, падать, течь, переносить, плясать, поспешать, постигать, ходить, проходить, склониться, шататься, парить и др. (ср.: редкомах – редко махать, скоропостижность – скоро постигать, вездеход – везде ходить, скоропроходчик – скоро

проходить, праздношатание – праздно шататься и др.), с х р. бежати, врзати, водити, враћати, доводити, доћи, носити, летати, полазити, ходати, укрепити, падаџи и др. (ср.: скарабеж – скоро бежати, зловрзац – зло врзати, добродошје – добро доћи; дугоносник – дуго носити, дугометац – дуго метати, скупнополазање – скупно полазити, брзоход – брзо ходати и др.). Эту позицию замещают адвербиальные слова. Модель VD.

При глаголах движения (перемещения) заполняются от двух до четырех позиций в русском языке (падать $N_n V, VD$ и водить VN_n, VN_i, V по N_d, VD) и от двух до пяти – в сербскохорватском языке (трести $N_n V, VN_i$ и возити $N_n V, VN_n, V$ са N_g, V на N_n, V на N_p). В целом же в русском языке реализуются актантные позиции $N_n V, VN_n, VN_i, V$ по N_d, V из N_g, V на N_p, V в N_n, V на N_n, VD , в сербскохорватском – $N_n V, VN_n, VN_d, VN_i, V$ са N_g, V на N_n, V на N_p, V са N_i, V по N_d, V у N_p, V од N_g, V к N_d, V на N_i, V од N_g, V из N_g, VN_g, V у N_n, V по N_n, VD .

В именной части композитов с глаголами движения, как правило, в обоих языках выступают существительные конкретной семантики. Производные с этими глаголами обозначают различные виды перемещения: направленное и ненаправленное, горизонтальное и вертикальное, субъектное и субъектно-объектное (иногда указывают также на темп и на использование специальных приспособлений), с абстрактной (ср.: р у с. скалолазание, руководство, с х р. водонаврчање, скупнополазање, добродошје) и с конкретной семантикой со значением лица (ср.: р у с. плотгон, с х р. гороскиталац), растений, насекомых (ср.: р у с. трубкаверт, коловратка, с х р. уколажа, скочияпорка), приспособлений, машин (ср.: р у с. соломоволокуша, водомет, трубопровод, снегоход, с х р. ватромет, пароплов), места (ср.: р у с. черведоня, с х р. сланопаја).

Всего глаголы действия образуют в русском языке 1957 композитов, в сербскохорватском – 2149. Разница в количестве между двумя языками обусловлена, с одной стороны, количеством самих глаголов, участвующих в архитектонике композитов (соответственно в русском материале 270 ед., в сербскохорватском – 225), с другой стороны, в русском языке выше словообразовательный потенциал отдельных глаголов действия (см., напр., глагол строить, который практически имеет неограниченную сочетаемость), что, в свою очередь, обусловлено широким или узким значением того или иного глагола, его отражением жизненно важных процес-

сов - трудовых, бытовых и т.д. Так, деривационный потенциал у глаголов р у с. делать - III производных, творить - 88, строить - 44, бить - 46, бороться - 35, варить - 51, приготовить - 15, мерить - 51, копать - 15, мыть - 21, очищать - 12, промышленять - 17, прясть - 23, резать - 39, торговать - 15, драть - 16, ломать - 20, с х р. делати - 100 производных, творити - 157, чинити - 44, бранити - 20, мерити - 74, плести - 17, ковати - 14, трести - 18, редити I - 41, резати - 18, сећи - 26, трговати - 29, в то время как большинство глаголов действия имеет деривационный потенциал от I до 8-9 производных. Ср.: р у с. пахать - 8 производных, колоть - 6, мотать - 3, стричь - I, с х р. копати - 9 производных, мешати - 5, стручати - 3, штрихати - I.

Сема действия, активности значительно шире и разветвленнее в материальном мире пассивно протекающих состояний, в то же время действие ни в коем случае нельзя категорично противопоставлять состоянию, поскольку в сфере активной деятельности практически нет чистого противопоставления действий интеллектуально-эмоциональных и конкретно-физических, в большинстве действий есть лишь различное соотношение соответствующих компонентов, которое оказывается весьма сложным (Н.Ю.Шведова).

Деривационные возможности глаголов состояния достаточно высоки (в русском языке II?I композит, в сербскохорватском - 2027, соответственно глаголов 194 и 230). Однако внутри самих семантических разрядов данного класса выделяются глаголы с большим или меньшим деривационным потенциалом. Глаголы с большим деривационным потенциалом - это слова древнейшего происхождения с жизненно важной семантикой, частотность употребления которых обусловила их стационарную встречаемость в тексте с определенными лексемами. Так, глаголы бытия в русском и сербскохорватском языках образуют соответственно 109 и 228 производных, глаголы психической деятельности - 122 и 138 словоформ, глаголы физиологических отправления - 112 и 196 единиц (из них 58 композитов в русском языке с глаголом *есть*), физического состояния - 107 и 155 (из них в сербскохорватском языке глагол *болети* образует 51 сложное существительное), положения в пространстве - 8 и 100, зрительного восприятия - 37 и 54. Среди глаголов состояния менее активны глаголы, имеющие от одного до трех производных. Ср.: р у с. лаять, метить - по I единице, плавать - по 2, глотать - по 3, с х р. пиштати - по I единице, до ити - по 2, мстити - по 3.

Глаголы бытия (существования) – подпарадигма широкого поля состояния, объединяющего различные группировки слов, характеризующих наличие определенных процессов, явлений живой и неживой природы: р у с. быть, жить, включиться устар., образоваться, основать, родить, бить(ся), печь (состояние как форма существования), расти, цвести и др., с х р. живети, изродити, ждревити, исходити, излазити, ниннути, прасити, пребивати, престајати, родити, јављати, расти, плодити и др. и антонимичные им глаголы каузации с семой "прекращать существование" – р у с. морить, умерщвлять, убить, с х р. свргнути, морити, бити "умерщвлять, убивать", уморити, убити и др.

Помимо объектной позиции (ср.: р у с. пенообразователь, с х р. сврзглава. Модель VN_A), при глаголах бытия реализованы субъектная позиция (ср.: р у с. горообразование – гора образуется, самородок – сам родился, с х р. данорађиње – расте дани, саможивац – сам живи. Модели N_nV , $PronV$), позиции, замещаемые предложно-падежными формами существительных (ср.: р у с. пескожил – жить в песке, с х р. пустињезитељ – живети у пустини. Модель V в(у) N_p . Р у с. местопребывание – пребывать на месте, с х р. сунцорођеник – родити се на сунцу. Модель V на N_p . С х р. именоизлаз – излазити из имена. Модель V из N_g . Каматопрестаја – престајати са каматом. Модель V са N_i), позиции обстоятельства времени (ср.: р у с. долгожитель – жить долго, с х р. дугоживац – живети дуго), обстоятельства места (ср.: р у с. доморощенка – растить дома), обстоятельства образа действия (ср.: р у с. пусторосль – расти пусто, с х р. заједностаник – становати заједно). Модель VD .

Таким образом, в данной субгруппе в русском языке отмечается от двух до трех реализованных позиций при глаголах бытия, в сербохорватском – до четырех. Ср.: р у с. расти V в N_p , VD ; родить N_nV ($PronV$), VN_A , VD , с х р. расти VN_A , VD , родити VN_A , V у N_p , V на N_p , VD .

В именной части мотивирующих сочетаний, как правило, выступают существительные с конкретной семантикой (ср.: р у с. гора, песок, небо, солнце, смола, плоть, дитя, муха, с х р. глава, брат, сестра, сирота, огонь, пустиња и др.), реже – с абстрактной (ср.: р у с. чудо, благо, с х р. благо, сумрак, свет П).

Производные в обоих языках представлены конкретными суще-

ствительными со значением лица (ср.: р у с. долгожитель, с х р. станогорац), предмета (ср.: р у с. самородок, водоросль, с х р. брвораст), места (ср.: р у с. солнцек, с х р. сунце-пека, сиротопребивалиште), устройств, машин (ср.: р у с. пенообразователь).

В сфере глаголов интеллектуальной деятельности в композитах с глагольно-именной основой выделяются глаголы ментальные (ср.: р у с. исповедывать, учить, с х р. поздравити, учити), мысли (ср.: р у с. помнить, разуметь, с х р. мислити, познавати), речи (ср.: р у с. вещать, записывать, с х р. зборити, хвалити).

Значительное количество композитов образовано на базе словосочетаний с ментальными глаголами, открывающими объектную позицию. Ср.: р у с. сортоиспытание - испытывать сорт, правонарушитель - нарушать право, с х р. словоистумачитель - истумачити слово, друговаралац - варати друга. Модель VN_A .

Субъектную позицию в базовых сочетаниях при ментальных глаголах регулярно замещает дейктическое слово сам (ср.: р у с. самосуд - сам судит, самоучка - сам учит, с х р. самоук - сам учи. Модель $PronV$), обстоятельственную - адвербиальные слова (ср.: р у с. взаимопроверка - взаимно проверять, правосудие - судить право "по правде" и др., с х р. мудровеће - већати мудро, лакоучност - учити лако. Модель VD).

Позиции с предложными и предложно-падежными формами в мотивирующих сочетаниях объективируются следующими моделями: р у с. VN_A , $PronV$, VN_d , VN_i , V по N_d , V от N_g , V за N_i (ср., напр., вероотступничество - отступить от веры), с х р. VN_A , $PronV$, VN_d , VN_i , V на N_A , V из N_g , V са N_i , V по N_d (ср., напр., књигуочење - учити из књиге).

Ментальные глаголы реализуют от одной до трех валентностей в русском языке (ср.: молиться VN_d и учить $PronV$, VN_g , VD) и от одной до пяти валентностей в сербскохорватском языке (ср.: чарати V по N_d и учити $PronV$, VN_A , V из N_g , V са N_i , VD).

Семантическое подмножество глаголов мысли в русском и сербскохорватском материалах количественно представлено одинаково.

Объектная позиция при глаголах мысли регулярно замещается в русском языке (ср.: р у с. времяисчисление - исчислять время, видопредставление - представить вид, с х р. бисерозна-

нац - знати бисере, књигопомоћик - памтити књигу. Модель VN_A), тогда как сочетания с предложными и предложно-падежными формами шире представлены в сербскохорватском материале, где словообразовательный потенциал глаголов мысли намного шире (ср.: в русском языке - VN_i , V в N_A , VN_d , в сербскохорватском - VN_i , V у N_A / VN_d , V без N_d , V о N_p , V у N_A : р у с. умозаключение - заключать умом, модель VN_i и др.; о х р. безбогомисао - мислити без бога, модель V без N_d и др.).

Субъектная позиция замещается в русском и сербскохорватском языках дейктическим словом сам (ср.: р у с. самоопределение, с х р. самоодређење. Модель $Pron V$), обстоятельственная - наречными оценочными словами (ср.: р у с. маловер, многознайка, здравомыслие, вольнодум, легковерие, тугодум, легкодум, тугодум, глубокомыслие, благоразумие и др., с х р. хитрознање, слабверац, бистромисаоники, дугомисалност, разномишље, тврдомишље, скупноразмишљање, трудномисаоник, такоразумност и др. Модель VD).

Большая часть глаголов мысли регулярно актуализирует в мотивирующих сочетаниях одну валентность. По две позиции открывают глаголы р у с. знать, мыслить, понимать (VN_A, VD), верить (V в N_A, VD), с х р. знати, разумети (VN_A, VD), умети (VN_d, VD), веровати (V у N_A, VD) и лишь сербскохорватский глагол мислити реализует три актантные позиции - V без N_d , V о N_p, VD .

Наиболее активны в данной подгруппе глаголы речи, устной и письменной. В мотивирующих сочетаниях они реализуют объектную (ср. р у с. звукозапись - записать звук, жизнеописание - описать жизнь, песнопение - петь песни, с х р. времезовац - звати време, колпорасписацац - расписати кошно, уклонџаз - казати уклон. Модель VN_A), - единично-субъектную (ср.: р у с. куроглашение, устар. "пение петухов" - кур гласит, с х р. самоговор - сам говори, богозваник - бог зове. Модели $Pron V$, $N_p V$) и обстоятельственную позиции (ср.: р у с. широковещание - вещать широко, с х р. бистроговорница - говорити бистро и др. Модель VD).

Среди глаголов интеллектуальной деятельности глаголы речи выделяются разнообразием и количеством реализованных актантных позиций с предложными и предложно-падежными формами. Ср., напр., р у с. вещать - VN_d, VN_i, V по N_d, V перед N_i, V о N_p, VD , с х р. писати - VN_A, VN_i, V од N_d, V на N_p, V о N_p, VD .

объективирующие до шести позиций.

Именная часть композитов с ментальными глаголами и глаголами мысли в обоих языках регулярно замещается абстрактными (ср.: р у с. зло, тайна, ложь, нрав и др., с х р. правда, тајна, зло, слобода и др.), конкретными существительными (ср.: р у с. язык, сердце, звезда, клыч, птица и др., с х р. књига, орце, језик, дева, рука, вода и др.) и местоимениями р у с. все, с х р. све. В русском языке в композитах с глаголами речи в именной части, как правило, употребляются существительные с конкретной семантикой (ср.: чрево, песня, машина, рука и др.) и лишь два существительных (тайна, жизнь) – с абстрактной. В сербскохорватском языке те и другие существительные выступают приблизительно одинаково (ср. трбух, вода, песме, труба и др. и брига, истина, тура, таштина и др.).

Производные с глаголами интеллектуальной деятельности образуются в обоих языках с абстрактной и конкретной семантикой (последние с агентивным значением, со значением приспособления, устройства, прибора, предмета). Ср.: р у с. языковедение, жесвидетельство, красноречие, правоучитель, злоумышленник, чревоушачатель, терморегулятор, волосоплетина, машинопись, громкоговоритель и др., с х р. веронаређење, слободомишљарство, испразноглаголање, законодрител, словотомачител, рудознанац, каменописац, колоцвет, медопис, улоноказ и др.).

Многозначные глаголы чаще всего реализуют разные свои значения как в составе базовых словосочетаний, так и в композитах, образованных на базе фразеологизмов. Среди таких глаголов, напр., глаголы р у с. бить, блудить, бороться и др., с х р. бранити, дерати, ломити, плести и др. Ср.: р у с. иконоборец, тираноборец (бороться против икон, тирана: бороться "стремиться уничтожить, искоренить что-нибудь"), змеборец, ратоборец (бороться со змеем, бороться в/ на рати: бороться "схватившись друг с другом, стараться осилить"), многоборец (бороться по нескольким видам спортивных (физических) упражнений: бороться "добиваться чего-л., преодолевая препятствия"); дальнобойка (бить далеко: бить "бить (стрелять) в цель с дальнего расстояния"), зверобой, китобоец, мясокладобойня, свинобой, скотобоец (бить зверя, китов, свинью, скот: бить "бить, "убивать" животных"), щербобоец, каменобоец (бить щербень, камни: бить "размельчать, отбивать"), маслобойка (бить масло: бить "сбивать" масло), мордобитие (бить морду: бить "ударять

человека"), морозобойна (бить морозом: бить "уничтожить" морозом), рукобитчик, жезлобиеие (бить рукой, жезлом: бить "ударять" с помощью руки, жезла), сердцебиеие (сердце бьется: биться "двигаться" как форма существования), челобитчик (бить челом: бить "ударяться" челом (лицом), шерстобит (бить шерсть: бить "взбивать" с помощью особого приспособления).

Границы между различными способами инвертирования весьма условны, глаголы одного разряда переходят в другой, значение одного разряда глагольных единиц налагается на другой, и это приводит к появлению нетипичных образований с переносным значением, обычно с эмоционально-экспрессивным.

В подвижности семантических границ языковых единиц немаловажную роль играют экстралингвистические факторы. Это наиболее эксплицитно прослеживается в словосложении, где каждый компонент базового словосочетания, имея ряд своих индивидуальных признаков, реализует наиболее актуальный для данной ситуации, причем значение семантически более весомого компонента. Семантическая градация регулярнее всего проявляется при переносе значения.

Так, глаголы движения р у с. вертеть (ср.: вертикастка "легкомысленная, кокетливая женщина"), носить (ср.: ветроносец "ветренный, неосновательный, суетливый человек"), трясти (ср.: лоботряс "бездельник, лентяй"), гнать (ср.: ветрогон, ветрогонка "ветреник, ветреница"), с р х. вртети "1. вертеть, вращать" (ср.: вртоглавец "1. сумасброд, вселомошный человек; 2. путаник"), говити (ср.: ветрогонья "ветреник"), перити "1. легонько дуть; подувать, веять; 2. раздувать; ~ неслогу перен. "раздувать вражду" (ср.: пириветра "поджигатель, подстрекатель" и ветропир "ветреник, ветропрах"), водити (ср.: коловодья "1. ведущий коло (танец), 2. перен. заправила, вожак, зачинщик", где второе, переносное значение, - результат усиления экспрессивного оттенка прямого значения того же композита), газити "1. наступать, ступать; 2) топтать; 3. идти вброд; 4. перен. попирать (ср.: калогажка "1. шагающий по грязи, месящий грязь; 2. перен. ирон. зазнайка, зазнающаяся посредственность"). См. также деструктивный глагол губити "терять, утрачивать" (ср.: дангубник "лодырь, бездельник"; ср. с глаголом дангубити "терять время зря", мотивированного сочетанием губити дан), глаголы приобщения крати, ловити "охотиться, ловить" (ср.: диевокрадац "тот, кто губит время", мухоло-

вац "бездальник, лодырь мухолов" – на базе фразеологического сочетания ловить мухе) и хлэптити "схватить, заграбастать" (ср.: хлэпимуха "1. бот. мухоловка; 2. болтун, пустомеля").

Все эти композиты включаются в экспрессивно-образную лексику с идентифицирующим признаком "отрицательные черты характера человека" и используются в узуально-речевом стиле, где говорящий стремится передать эмоционально-оценочные и чувственно-образные наложения. На семантику каждого глагола накладывается значение сочетающегося с ним существительного. Эта обусловленность семантики глагола его дистрибуцией присутствует в большей части композитов: в зависимости от окружения. В семантике одного и того же глагола доминируют те или иные семные множители или их оттенки. Ср., напр., с х р. носити: в композитах стегиноша "знаменосец", бременоша "носильщик" и др. данный глагол реализует прямое значение "взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-н.". Одна из регулярных особенностей композитов гласоноша "1. гонец, вестник; 2. книж. провозвестник; 3. перен. болтун, сплетник", аброноша "1. разносчик вестей; 2. почтальон; 3. перен. сплетник", скутоноша "1. пах, носящий шлейф; 2. перен. подхалим, лакей, прислужник" – это значение, отличающееся от исходного тем, что оно одинаково дает экспрессивно-оценочную характеристику лица.

Новое понятие возникает, очевидно, потому, что в подобных образованиях мера интенсивности образного плана проявляется в разной степени и соответственно возможны разные степени семантического сближения с мотивирующими словами (А.Н.Тихонов) или при наложении "потенциальной семы" (по В.Г.Гаку) существительного на сему глагола движения. Напр., в композите гласоноша "перен. болтун, сплетник" это значение проявляется при сочетании глагола носити с существительным глас, имеющим, наряду со значением "весть, известие", семантический множитель "молва, слух" с оттенком экспрессивности, который доминирует, когда "человек по своей предметно-практической и познавательной деятельности либо устанавливает новые отношения, либо обнаруживает уже известные ему отношения между новой совокупностью объектов. В конечном счете и то, и другое заключается в обнаружении отношений между объектами, а значит в установлении новых отношений или системы новых соответствий" (Е.С.Кубрякова).

Как норма, переносное значение развивается и в русском, и

в сербохорватском языках или уже на базе композита (напр., р у с. жидомор "прост. скупец, скряга", головогяп "тот, кто небрежно и бестолково ведет какое-н. дело", с х р. солоједник "однокашник", хаброноша "3. перен. сплетник"), или на базе фразеологического сочетания (напр., р у с. лежебока "разг. тот, кто любит долго лежать, спать; лентяй, бездельник", с х р. мухоловац "бездельник, лодырь, мухолов" и др.).

Часть композитов с экспрессивным и переносным значением в русском и сербохорватском материале является номинацией неодушевленного предмета. Ср., напр., р у с. небоскреб, лобогрейка, носогрейка, горлицвет и др., с х р. жабокрек, облакодер, сунцоглед и др.

В переносном значении глаголы в мотивирующих композиты словосочетаниях буквально единичны (напр., р у о. пустомеля "тот, кто болтает вздор, пустяки", клятвопреступник "тот, кто нарушает клятву", вероломство "вероломный поступок" и др., где глаголы молоть "2. перен. говорить что-л. вздорное, болтать", преступить "2. перен. нарушить что-л., изменить чему-л.", ломать "4. перен. решительно отбрасывать что-л. устоявшееся, укоренившееся, уничтожать, разрушать", с х р. сунцокрет "подсолнух", гулякожа "эксплуататор, мироед, ростовщик", злоквар "алоба, злобность" и др., где глаголы кретати "3. перен. вращаться", гулити "3. перен. грабить, обдирать", ковати "перен. замышлять".

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском и сербохорватском языке // Изд-во Саратовского ун-та, 1989.
2. О соотношении сложного слова и словосочетания // Синтаксис и интонация. Уфа, 1973.
3. Комплексные валентные возможности прилагательных в адъективных конструкциях // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976.
4. Лексико-грамматическая сочетаемость частей речи // Семантика и структура предложения. Лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1977.
5. Об одном методе реконструкции лексико-синтаксической сочетаемости // Исследования по семантике. Уфа, 1980.
6. Из наблюдений над словообразовательными потенциями глаголов движения. Статья депонирована в сб. "Глагольные се-

мантические группы и их функционирование". См. Библиографический указатель ИНИОН за 1981 г. (г.Свердловск).

7. О синонимии сложносuffиксальных существительных с глагольно-именной основой в языке XI-XIV вв. // Учебные материалы по проблеме синонимии, ч.П. Ижевск, 1982.

8. О словообразовательных гнездах глаголов движения // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.

9. Сложные слова в стихотворной речи С.А.Есенина // Ст.депонирована в сб. "Поэтический язык и речевая норма". См. Библиографический указатель ИНИОН за 1983 г. (г.Челябинск).

10. Семантические разряды глаголов в составе глагольно-именных сочетаний, мотивирующих сложное существительное, в языке XI-XIV вв. // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984.

11. Синтактика частей речи. Учебное пособие по спецкурсу. Уфа, 1984.

12. О семантической корреляции компонентов сложных существительных в древнерусском языке // Семантические категории языка и методы их изучения: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (28-30 мая 1985 г.). Уфа, 1985.

13. Вторичная номинация лица путем метафоризации зоонима // Списание "Съпоставително езиковзнание". 1985. № 4. България, София.

14. Темпоральные распространители предложения в "Повести временных лет" // Исследования по семантике. Лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1985.

15. Семантические разряды глаголов в составе глагольно-именных сочетаний, мотивирующих сложное существительное, в сербскохорватском языке // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках, ч.П. Гродно, 1986.

16. Сложносuffиксальные существительные в составе глагольной словообразовательной парадигмы // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1987.

17. Семантична функционалност глагола у "микрoкoнтексти-ма", кој и мотивищу сложене именице // Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења, 16/1. Међународни славистички центар. Београд - Нови Сад, 1987.

18. Процессы, влияющие на развитие системности в словарном составе национального русского языка // Историческое развитие языков и методы его изучения: Тезисы докладов межвузовской кон-

ференции. Свердловск, 1988.

19. Коммуникативно-функциональный подход в профессионально-педагогической подготовке учителей русского языка: Тезисы конференции профессионально-педагогической подготовки учителей. Уфа, 1988.

20. Семантическое поле действия // Актуальные проблемы общей семантики и семантики русского языка: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Ташкент, 1988.

21. О функционально-семантическом словаре // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. Тезисы Всесоюзной конференции. Москва, 1988.

22. Функциональные компоненты семантики производного // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тезисы докладов III Республиканской конференции. Гродно, 1989.

23. Коммуникативно-функциональный подход как основа интенсификации обучения русскому языку нерусских // Типы и структура русского языка как иностранного: Тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции. Минск, 1990.

Подписано к печати 08.05.91.

Формат бумаги 60x84 I/16. Бумага писчая. Печать офсетная.

Печ. листов 2,0. Тираж 100 экз. Заказ 466.

Уфимский нефтяной институт

Ротапринт Уфимского нефтяного института

Адрес института и полиграфпредприятия: 450062, Уфа, Космонавтов, I

